

DOI: 10.17805/zpu.2015.1.31

Право и социальная справедливость в научном наследии Б. А. Кистяковского

П. А. БОРИСОВА

(РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Тема справедливости все чаще актуализируется в публичном и общественном дискурсах вследствие масштабных общественных изменений. Исследовательские традиции рассмотрения феномена справедливости имеют длительную историю, национальные особенности. Особый интерес представляют идеи крупных ученых прошлых лет. Таковы взгляды правоведа, создателя русской правовой школы в социологии Б. А. Кистяковского (1868–1920), концепция которого рассматривается в данной статье.

Справедливость, по мнению Кистяковского, не может быть реализована в институциональных формах в условиях отсутствия правового общества, в частности правовой культуры интеллигенции. В методологическом отношении он противопоставляет категории необходимости и долженствования. Категория необходимости не может быть применима

в исследовании социальных явлений и процессов по причине неспособности релевантно учитывать стихийность и изменчивость последних. Обозначенное обстоятельство во многом является следствием того, что главным субъектом общественных отношений выступает человек, со свойственными ему ценностями, установками, свободой выбора. Таким образом, Кистяковский предлагает посредством категории долженствования рассматривать социальное, особое внимание уделяя социокультурным особенностям российского общества, в частности общественным и индивидуальным ценностям.

Ученого особенно беспокоили проблемы профессиональной этики социолога, его ответственности перед обществом. По мнению Кистяковского, задача социолога заключается не только в получении эмпирической информации об обществе и систематизации ее в виде теоретических схем и моделей. Основное направление социологической деятельности заключается в поиске единственно верного сценария общественного развития, основными содержательными критериями которого выступают свобода и справедливость. Таким образом, категория долженствования представляет ценность не только в методологическом отношении, но и профессиональном, апеллируя к мотиву служения и долгу социолога перед обществом.

Свобода и справедливость, по мнению Кистяковского, возможны только в условиях правового общества, так как именно право позволяет реализоваться идеям справедливости в институциональных формах. Таким образом, право и справедливость в концепции Кистяковского выступают центральными категориями, через призму которых актуально изучать социальное, находящее отражение в ценностях, потребностях и установках человека и социальных групп.

Ключевые слова: справедливость, социальная справедливость, социологическое наследие, Б. А. Кистяковский.

ВВЕДЕНИЕ

Русская общественно-политическая мысль, в особенности социологическая, сегодня по большей части напоминает собой космическую туманность: эффективность внешней формы завораживает взгляд исследователя своим многообразием, в то время как истинное содержание, или ядро, остается сокрытым и малоизученным. Перефразируя Б. А. Кистяковского, можно сказать также, что сегодня мы лишь знакомимся с явлением русской социологии «в той наглядной связи, в которой она представляется при внешнем наблюдении», тогда как «проникнуть вглубь и определить скрытые пружины ее» — дело будущего (Кистяковский, 1998: 77). Но уже сейчас некоторые содержательные аспекты русской социологии, формирующие ее предметное поле, несмотря на многообразие школ и направлений, постепенно проявляют себя. Одним из таких аспектов, латентно определяющих дискурсивное пространство всего отечественного социологического наследия, выступает справедливость.

Справедливость — понятие сложное и многоаспектное. В разное время его содержательные границы расширялись под влиянием идей тех или иных социологических школ и направлений.

Западные концепции справедливости, имея достаточно длительную историю, апеллируют к различным основаниям справедливости (благу, праву, закону, свободе, равенству и т. д.). Все они сходятся в одном: государству необходимо учитывать мнение и потребности человека, который выступает главным структурным элементом общества. В настоящее время большим влиянием пользуются следующие концепции: «справедливости как честности» Дж. Роулза (Роулз, 1995); «справедливости как блага» О. Хёффе (Хёффе, 2007); «справедливости как гаранта прав» Р. Нозика (Нозик, 2008).

В рамках российского академического дискурса отсутствуют целостные концепции социальной справедливости. В основном проблемы справедливости освещаются в ста-

тях по социально-экономической, политической, гендерной, реже — национальной, этнической и религиозной проблематике. Отдельные идеи социальной справедливости в экономическом фокусе представлены в работах Т. И. Заславской (Заславская, 1986). Значительный вклад в рассмотрение этого феномена с позиции изучения общественного мнения привнес Ю. А. Левада (Левада, Ноткина, Шейнис, 1991). Вышли работы Г. Ю. Канарша (Канарш, 2011), Т. А. Алексеевой (Алексеева, 2001), посвященные анализу идей социальной справедливости западного академического и публичного дискурсов.

В рамках данной статьи мы обратимся к рассмотрению идей справедливости, воплощенных в творчестве основателя русской правовой социологической школы Б. А. Кистяковского (1868–1920). Исследовательский подход Кистяковского представляет собой целостную и непротиворечивую концепцию, которая основывается на допущении, что справедливость может быть реализована только в правовом обществе. По мнению социолога, справедливость как социальное явление находит отражение в степени удовлетворенности человека и общества функционированием общественно-политических институтов. Придерживаясь этой позиции, Кистяковский убедительно демонстрирует, что «неприспособленность» российской действительности к праву вызвана не столько социокультурными особенностями и менталитетом населения, сколько кризисом познавательных возможностей социальных наук, в частности социологии, и правовой отчужденностью интеллигенции. Обращение к более подробному рассмотрению идей Б. А. Кистяковского представляется сегодня чрезвычайно актуальным в свете поиска социальными науками и интеллигенцией нового видения дискуссионных проблем, а также идеала общественного служения.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ИЗУЧЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Социология в методологическом отношении противопоставляется Б. А. Кистяковским естественным наукам. Согласно социологу естественно-научное мировоззрение исследователя основывается на допущении, что все явления и процессы причинно обусловлены. Эта причинная обусловленность формирует категорию необходимости, находящую отражение в том, что выявленные «реальные причинные соотношения между явлениями <...> везде и всегда осуществляются» (Кистяковский, 1998: 79).

Применима ли категория необходимости к социальным наукам? По мнению Б. А. Кистяковского, «роль этой категории подвергается сомнению. Причина этого заключается в том, что социальные явления, захватывая самые животрепещущие интересы человека, вызывают к себе более разнообразные отношения со стороны исследователей» (там же: 27).

Проблема заключается не только в различии исследовательских интерпретаций социальных процессов и явлений. Сама логика развития и функционирования социального мира отлична от естественно-научного. «Для мира конкретных явлений, — пишет Б. А. Кистяковский, — наиболее характерно то, что они бывают последствием бесконечно разнообразной комбинации скрещивающихся, сталкивающихся и встречающихся явлений и что они сами образуют новые комбинации и группы. Свойства таких комбинаций и групп явлений и точки подобного стечения и столкновения их не определяются какими-нибудь законами и не могут быть точно обозначены даже тогда, когда законы для всех отдельных причинных соотношений (между явлениями), входящих в эту комбинацию или стечение, известны и могут быть точно определены» (там же: 30). Причина динамичности и индивидуальности (неповторимости) социаль-

ных изменений кроется в том, что участником социального процесса является человек, обладающий свободой выбора. Именно поэтому исследователь, имеющий дело с обществом, не «должен отрицать высшие ценности человеческой жизни — нравственный долг и идеал, так как им, наравне с другими высшими продуктами человеческого духа, нет места в области естественно-научных фактов» (там же: 26).

Но если применительно к социальным наукам, в частности к социологии, категория необходимости в методологическом отношении неприменима, то какой в таком случае категорией следует руководствоваться? Согласно Б. А. Кистяковскому социология должна брать социальные явления и процессы в целостности и взаимосвязи, подвергать их тщательной операционализации и критической рефлексии. Только с опорой на эти составляющие научного исследования возможно сформировать валидное и релевантное знание об обществе, способное прийти на смену «взятой из практической жизни точки зрения неуверенности в будущем, которая выражается в допущении многих возможностей» (там же: 31).

Итак, социология должна способствовать определению и последовательной реализации (с учетом социокультурных особенностей общества) такой формы общественно-политической организации, которая была бы способна релевантно отразить потребности и интересы как человека, так и социальных групп. И именно такая форма общественно-политической организации обозначается Б. А. Кистяковским как справедливая, а методологическая категория социологической науки, способствующая ее реализации, определяется как долженствующая. В этом отношении принципиально важно отметить, что социолог должен, опираясь на широкие методологические возможности науки, во-первых, зафиксировать в общественном мнении конкретные представления о справедливом обществе, во-вторых, способствовать их реализации в институциональном и межличностном отношении, прибегая к публичному освещению результатов исследований.

КАТЕГОРИЯ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Б. А. Кистяковский, вводя категорию долженствования в социологию, затрагивает ряд очень важных вопросов. В частности, значительный интерес представляет то, что же следует понимать под долженствованием в гносеологическом и профессиональном отношении.

По мнению Б. А. Кистяковского, социальный мир изменчив и динамичен, в силу того что человек — главный действующий субъект общества — обладает свободой выбора. В конце концов именно то «случайное и индивидуальное стечение и пересечение различных рядов явлений, которое привело к конкретному событию» (там же: 82), привлекают внимание социолога. При этом важно заметить, что «само это стечение или совпадение различных причинно обусловленных рядов явлений не должно было необходимо произойти, — пишет автор, — так как оно не было обусловлено каким-нибудь новым высшим законом. Следовательно, это стечение было совершенно случайным, а с этой точки зрения и исследуемое индивидуальное событие как результат только данной комбинации причин — также случайно» (там же: 83).

Но насколько отличен от социального мира мир природы? Анализируя специфику развития явлений и процессов в природе, социолог замечал: «... то, что всякое данное растение выросло и развивалось, — случайно; ведь, несмотря на все остальные благоприятные условия для него, оно могло бы не вырасти, если бы семя поклевали птицы, или съели насекомые, или если бы его корешки подгнили от сырости, или вымерзли от

стужи» (там же: 82). Но если и в социальном, и в природном мире ключевую роль играет случайность, то почему в итоге социальное знание определяется категорией долженствования, естественно-научное — категорией необходимости? Дело в том, что в рамках естественно-научного знания вопрос «Почему?» практически не востребован, так как индивидуальная причинность или случайность (в виде «птиц», «насекомых», «сырости» и «стужи» — см.: там же) не играет существенной роли при выявлении абстрактных закономерностей. В связи с этим в гносеологическом отношении причинные взаимосвязи, по мнению Б. А. Кистяковского, «мыслятся в изолированном виде, безотносительно к какому-нибудь определенному месту и времени, но вместе с тем применимы ко всякому месту и времени, где есть подходящие условия» (там же: 82). Что же касается мира социального, то в нем индивидуальная причинность или случайность, напротив, играют ключевую роль. «В каждом человеческом деле, — замечает социолог, — замешано столько разнообразных этических, эстетических и других общечеловеческих и личных интересов, что другой человек не может отказаться, углубившись в него, разобрать и изучить его во всех подробностях и мелочах. Этот-то интерес или эта точка зрения и создает совершенно особенный характер всякого... исследования» (там же: 81). Итак, с гносеологической точки зрения социальных наук «этические, эстетические и другие интересы» выступают той случайностью, которая в конечном счете определяет характер и содержание межличностных и институциональных взаимодействий.

Содержание интересов определяется во многом ценностной составляющей той социальной среды, где они формируются и в последующем реализуются. А социальная среда, в свою очередь, характеризуется той устойчивой ценностной системой, которая латентно поддерживается закрепленными в обыденном сознании социокультурными практиками взаимодействия или типизациями. По мнению Б. А. Кистяковского, социологический анализ интересов и ценностей может привести социолога к определению того, что же в социальном отношении представляется наиболее важным, значимым, а главное — востребованным обществом. Но дифференциация общественной системы, которая проявляется в многообразии социальных слоев, страт и групп, зачастую препятствует этому. Концентрация внимания социолога на проблеме только лишь одной социальной единицы (слое, страте, группе) может привести к определению не более чем возможности ее решения, что в корне противоречит задачам социолога. Возможность — это потенциальный способ решения проблемы. Многообразие социальных проблем порождает соответственно и многообразие возможностей их решения, которые порой противоречат друг другу вследствие различия интересов и ценностей социальных групп.

Объединение интересов и ценностей всех социальных групп возможно, по мнению Б. А. Кистяковского, только в рамках справедливого общества, содействие построению которого и представляется главной задачей социолога. Так, «область социологии есть область безусловно достоверного в социальных явлениях, а потому и точка зрения ее заключается не в определении различных возможностей, а в установлении необходимого (должного, справедливого. — П. Б.)» (там же: 31).

Ориентация на *возможности* развития общества в целом или отдельных его общностей, слоев, групп приводит не только к раздробленности понятийного аппарата науки, фрагментации знания, методологической нерелевантности, но и мифологизированности, антиномии (двойственности) общественного сознания. В качестве иллюстрации этого положения приведем выдержку критики Б. А. Кистяковским Н. К. Михайловского: «Такие его (Н. К. Михайловского. — П. Б.) понятия-близнецы, как “про-

стая и сложная кооперация”, “органический и неорганический тип развития”, “орган и неделимое”, “физиологическое и экономическое разделение труда”, “тип и степень развития”, “идеальные и практические типы”, “герои и толпа”, “вольница и подвижники”, “честь и совесть” и многие другие, при помощи которых Н. К. Михайловский оперировал всю свою жизнь, вполне заслуживают того кропотливого труда, который потребовался бы при анализе и критике их, потому что на их примере можно особенно ярко показать, как не следует конструировать социально-научные понятия. Уже анализ того обстоятельства, что определение каждого из этих понятий создается путем образования прямо противоположного ему и что все мышление Н. К. Михайловского вращается в каком-то дуализме понятий, мог бы уяснить очень многое» (там же: 25). Итак, в профессиональном отношении социолог должен работать не с абстрактными положениями возможного, а единственно необходимым сценарием общественно-политического развития. Именно в этом проявляется его гражданская и профессиональная позиция, потому что в конечном счете социолог несет ответственность за результаты своих исследований и предложенные на их основе выводы, которые, возвращаясь в социальное пространство, способны изменить его ценностную составляющую.

Основным содержанием справедливого общества, по мнению Б. А. Кистяковского, выступает право, «в его внешних, обусловленных общественной средой формах» (там же: 360). Иными словами, право и социальная справедливость находятся в диалектическом взаимодействии. При этом важно заметить, что правовое функционирование социальных институтов в обществе создает наиболее благоприятные основания для того, чтобы «справедливость превращалась из душевного настроения в жизненное дело» (там же). Таким образом, построение правового общества и есть, по Б. А. Кистяковскому, тот единственно верный и возможный сценарий общественно-политического развития, над которым должен работать социолог.

ПРИЧИНЫ НИЗКОГО УРОВНЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ В ОБЩЕСТВЕ

Задача социолога состоит в том, чтобы своими исследованиями способствовать формированию справедливого общества. Как было показано, в большей степени отвечает критериям справедливости (достойный уровень жизни и свобода личности) правовое общество. Размышляя о том, почему в рамках российского государства не приживаются правовые идеи, Б. А. Кистяковский пришел к следующим выводам:

1. Право и интеллигенция

Русская интеллигенция чрезвычайно далека от идей правового общества. Это проявляется не только в «личностной» особенности русской интеллигенции, которая «никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности» (там же: 361), но и в институциональном (публичном) отношении: «...на всю Россию около полутораста юридических кафедр. Но ни один из представителей этих кафедр не дал не только книги, но даже правового этюда, который имел бы широкое общественное значение и повлиял бы на правосознание нашей интеллигенции» (там же: 362).

2. Право и литература

В связи с крайне низким уровнем правового сознания идеи прав личности и правового государства в лоне русской интеллигенции не были «пережиты вполне». Это обстоятельство привело к тому, что идеи права не были в должной мере осознаны и критически осмыслены, следовательно, «не получили своеобразной окраски и своего собственного оттенка» в рамках российской действительности. Отсутствие правовых

идей как в академическом, так и в публичном дискурсах согласно Б. А. Кистяковскому свидетельствует о том, что в «идейном развитии русской интеллигенции... не участвовала ни одна правовая идея»: «В самом деле, где у этих идей тот внешний облик, та определенная формула, которые обыкновенно придают идеям эластичность и помогают их распространению? Где та книга, которая была бы способна пробудить при посредстве этих идей правосознание нашей интеллигенции? Где наш «Дух законов», наш «Общественный договор»?» (там же: 362).

3. Право и повседневные практики жизни «русского народа»

Отсутствие в сознании населения идей права, как регулятора общественных отношений, создало благоприятные условия для формирования неформальных, теневых практик взаимодействия, которые, в свою очередь, сложились в уникальный тип адаптации «русского народа» к условиям общественной несправедливости. Характеризуя это обстоятельство, Б. А. Кистяковский приводит в качестве иллюстрации замечания А. И. Герцена: «Правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школою. Вопиющая несправедливость одной половины его законов научила его ненавидеть и другую; он подчиняется им как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы он звания ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно» (там же: 363).

4. Принятие русской интеллигенцией «правовой неорганизации» «русского народа»

Русская интеллигенция характеризуется достаточно низким уровнем правового сознания, что вызывает критику Б. А. Кистяковского, равно как и то обстоятельство, что правовые идеи лишены публичности. Но не эти проблемы обрекают в итоге идеи права на столь печальную участь. Согласно социологу наиболее яркие представители общественно-политической мысли видели в «правовой неорганизации» «русского народа» не зло, а, наоборот, «положительную сторону» и «самобытность». В частности, Б. А. Кистяковский приводит слова К. С. Аксакова о том, что «"западное человечество" двинулось "путем внешней правды, путем государства", русский народ пошел путем "внутренней правды"» (цит. по: там же: 363). Не менее примечательной является ссылка социолога на сатирическое замечание Б. А. Алмазова, ставшее тогда афоризмом: «По причинам органическим мы совсем не снабжены здравым смыслом юридическим, сим исчадьем сатаны. Широки натуры русские, нашей правды идеал не влезает в формы узкие юридических начал» (там же: 363–364).

Важно заметить, что идеи права, не только как регулятора общественных отношений, но и ключевой составляющей справедливого общества, осознанно отвергались некоторыми представителями русской интеллигенции. Как пример такой позиции Б. А. Кистяковский приводит слова К. Н. Леонтьева о том, что «русский безграмотный, но богомольный и послушный крестьянин эмпирически, так сказать, ближе к реальной правде житейской, чем всякий рациональный либерал, глупо верующий, что все люди будут когда-то счастливы, когда-то высоки, когда-то одинаково умны и разумны» (там же: 364). Таким образом, в русской общественно-политической мысли априорно существовало «чувственное» измерение справедливости («житейская правда», «внутренняя правда»), а не институциональное, за необходимость которого, собственно, и выступал Б. А. Кистяковский, полемизируя с современниками.

5. Право и социология

Тенденции общественного развития находят отражение в научных представлениях. Отечественная социологическая наука очень чувствительна, по мнению Б. А. Кистя-

ковского, к социальным изменениям, что выражается в постоянной «замене одной формулы, касающейся личности, другой»: «Одна за другой у нас выдвигались формулы: критически мыслящей, сознательной, всесторонне развитой, самосовершенствующейся, этической, религиозной и революционной личности. Были и противоположные течения, стремившиеся потопить личность в общественных интересах, объявлявшие личность и отстаивавшие соборную личность» (там же: 364). Но при этом «формулы» правовой личности в общественно-политической мысли так и не было создано. «Наше общественное сознание, — пишет Б. А. Кистяковский, — никогда не выдвигало идеала правовой личности. Обе стороны этого идеала — личности, дисциплинированной правом и устойчивым правопорядком, и личности, наделенной всеми правами и свободно пользующейся ими, чужды сознанию нашей интеллигенции» (там же: 364).

С социологической точки зрения право представляет собой компромисс между интересами различных социальных групп. В этом отношении закон согласно, Б. А. Кистяковскому представляет собой легитимное закрепление этого компромисса. Возвращаясь к идеям социолога о правовом обществе и справедливости, можем заключить, что «правовой строй нельзя противопоставлять социально справедливому строю. Напротив, более углубленное понимание обоих приводит к выводу, что они тесно друг с другом связаны, и социально справедливый строй с юридической точки зрения есть только более последовательно проведенный правовой строй. С другой стороны, осуществление социально справедливого строя возможно только тогда, когда все его учредения получают вполне точную правовую формулировку» (там же: 367).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Б. А. Кистяковский оставил после себя значительное социологическое наследие, возвращение к которому как никогда значимо в связи с актуализацией в публичном и академическом пространстве проблемы социальной справедливости. Взгляды социолога на природу справедливости интересны не только с точки зрения того, что формировались они в условиях полемики и дискуссии с наиболее яркими представителями общественно-политической мысли второй половины XIX — начала XX в. Б. А. Кистяковский, пожалуй, первый, кому удалось продемонстрировать, в чем заключается общественная роль и функция социолога, как гражданина и исследователя. Несомненно, социологические взгляды ученого представляют значительный интерес и с позиции разработки методологических оснований научного исследования такого сложного в социокультурном отношении понятия, как справедливость.

Остается заключить, что русская социологическая мысль представляет собой совершенно уникальное явление как с точки зрения глубины и оригинальности теоретических построений, так и с позиции методологических «откровений», которые в ряде случаев предвосхищали западные теоретические и эмпирические открытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева, Т. А. (2001) Справедливость как политическая концепция: Очерк современных западных дискуссий. М. : МОНФ. 241 с.

Заславская, Т. И. (1986) Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // Коммунист. № 13. С. 61–73.

Канарш, Г. Ю. (2011) Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 236 с.

Кистьяковский, Б. А. (1998) *Философия и социология права* / сост. примеч. В. В. Сапова. СПб. : РХГИ. 800 с.

Левада, Ю., Ноткина, Т., Шейнис, В. (1991) *Секрет нестабильности самой стабильной эпохи // Погружение в трясину. Анатомия застоя* / сост. и общ. ред. Т. А. Ноткиной. М. : Прогресс. 704 с. С. 15–30.

Нозик, Р. (2008) *Анархия, государство, утопия* / пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М. : ИРИСЭН. 424 с.

Роулз, Дж. (1995) *Теория справедливости*. Новосибирск : Изд-во Новосибирского университета. 536 с.

Хёффе, О. (2007) *Справедливость: философское введение* / пер. с нем. О. В. Кильдюшова под ред. Т. А. Дмитриева. М. : Праксис. 192 с.

Дата поступления: 05.02.2015 г.

LAW AND SOCIAL JUSTICE IN THE WORKS OF B. A. KISTIAKOVSKY

P. A. BORISOVA

(RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

Due to large-scale social change, the issue of justice is increasingly often brought up in public discourse. This idea has been variously interpreted over time, with specific national traditions arising. These traditions have been influenced by outstanding researchers of the past, which are thus of special interest. Such were the views of the founder of the Russian school of legal sociology B.A. Kistiakovskiy (1868–1920). This article investigates his contribution to social studies.

Justice, according to Kistiakovskiy, cannot be implemented in institutional forms where a law-based society is absent and no legal culture of an intelligentsia exists. In the methodological sense, he counterposed the categories of necessity and obligation. Necessity as a category is not applicable to researching social phenomena and processes, because it cannot relevantly account for their spontaneity and variability. In many respects, this is because the main subject of social relations is man, with their specific values, orientations and inherent freedom of choice. Hence, Kistiakovskiy suggests considering the social through the category of obligation, with a special focus on socio-cultural features of Russian society, and in particular, on its collective and individual values.

The legal scholar took a special interest in the problems of professional ethics and sociologists' responsibility before the society. In Kistiakovskiy's opinion, the task of the sociologist exceeds mere gathering of empirical information. It must then be systematized into theoretical schemes and models. Sociologists should strive to find the only true scenario of social development based on two criteria — freedom and justice. The category of obligation is thus of high value both in the methodological and professional sense, appealing as it does to the notions of service and debt that sociologists owe to the society.

Freedom and justice, according to Kistiakovskiy, are possible only in the conditions of a law-based society, since it is law that allows the ideas of justice to take shape of institutional forms. Thus, law and justice in Kistiakovskiy's theory act as the pivotal categories. It is through them that we can best study the social as reflected in personal values, needs and orientations of both individuals and social groups.

Keywords: justice, social justice, sociological heritage, B.A. Kistiakovskiy.

REFERENCES

Alekseeva, T. A. (2001) *Spravedlivost' kak politicheskaiia kontseptsiiia: Ocherk sovremennykh zapadnykh diskussii* [Justice as a political concept: An overview of contemporary discussions in the West]. Moscow, Moscow Public Scientific Foundation Publ. 241 p. (In Russ.).

Zaslavskaiia, T. I. (1986) *Chelovecheskii faktor razvitiia ekonomiki i sotsial'naia spravedlivost'* [The human factor in economic development and social justice]. *Kommunist*, no. 13, pp. 61–73. (In Russ.).

Kanarsh, G. Yu. (2011) *Sotsial'naia spravedlivost' : filosofskie kontseptsii i rossiiskaia situatsiia* [Social justice: The philosophical conceptions and Russian situation]. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ. 236 p. (In Russ.).

Kistiakovskiy, B. A. (1998) *Filosofii i sotsiologii prava* [Philosophy and sociology of law] / with notes by V. V. Sapov. St. Petersburg, Russian Christian Institute for the Humanities Publ. 800 p. (In Russ.).

Levada, Yu., Notkina, T., Sheinis, V. (1991) Sekret nestabil'nosti samoi stabil'noi epokhi [The secret of instability of the most stable era]. In: *Pogruzhenie v triasinu. Anatomii zastoia* / ed. by T. A. Notkina. Moscow, Progress Publ. 704 p. Pp. 15–30. (In Russ.).

Nozick, R. (2008) *Anarkhiia, gosudarstvo i utopia* [Anarchy, state and utopia] / transl. by B. Pinskiy, ed. by Y. Kuznetsov and A. Kuriaev. Moscow, IRISEN Publ. 424 p. (In Russ.).

Rawls, J. (1995) *Teoriia spravedlivosti* [A Theory of justice]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ. 536 p. (In Russ.).

Höffe, O. (2007) *Spravedlivost': filosofskoe vvedenie* [Justice: A philosophical introduction] / transl. from German by O. V. Kil'diushov, ed. by T. A. Dmitriev. Moscow, Praxis Publ. 192 p. (In Russ.).

Submission date: 5.02.2015.

Борисова Полина Алексеевна — аспирант кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета. Адрес: 125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Миусская пл., д. 6, к. 5, к. 407. Тел.: +7 (495) 250-66-21. Эл. адрес: polseal@yandex.ru. Научный руководитель — д-р социол. наук М. Б. Буланова.

Borisova Polina Alekseevna, Postgraduate student, Department of the Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities. Postal address: 6 Miusskaya Sq., Moscow, Russian Federation, 125993. Tel.: +7 (495) 250-66-21. E-mail: polseal@yandex.ru. Research adviser: M. B. Bulanova, Doctor of Social Science.